

УДК 811.161.1'373

Подворотова В.В.

Московский государственный областной университет

**ОБРАЗ СТАЛИНГРАДА И СРЕДСТВА ЕГО СОЗДАНИЯ
В ПРОЗЕ К. СИМОНОВА**

V. Podvorotova

Moscow State Regional University

**STALINGRAD'S IMAGE AND MEANS OF ITS CREATION
IN K. SIMONOV'S PROSE**

Аннотация. Данная статья представляет собой анализ предикатов, использованных К. Симоновым в повести «Дни и ночи» и романе «Солдатами не рождаются», с помощью которых автор создал образ горящего и разрушенного во время Сталинградской битвы города, а также единиц предикатной лексики, использованных для создания контраста, усиливающего представление о разрушении. В статье дан развёрнутый лексический комментарий словоупотреблений К. Симонова, раскрывающих авторскую интенцию.

Ключевые слова: предикатная лексика, образ, Сталинград, концепт РАЗРУШЕНИЕ, концептуальное пространство ВОЙНА.

Abstract. The following article is an analysis of the predicates used by K. Simonov in the novels «Days and Nights» and «One isn't born a soldier», by means of which the author has created the image of a burning and destroyed city during the Battle of Stalingrad, as well as predicative lexical units used to create contrast that enhances the vision of the destruction. The paper gives a detailed lexical comment on the Simonov's language use, which reveals the author's intention.

Keywords: Predicate vocabulary, image, Stalingrad, DESTRUCTION concept, conceptual space WAR.

В 2013 году исполнилось 70 лет со дня победы в Сталинградской битве. Битва длилась 200 дней и ночей – с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года. Для Советского Союза победа в Сталинградской битве, как известно, явилась началом коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны: приблизился День Победы над Третьим рейхом в 1945 году.

В Великой Отечественной войне в качестве военных журналистов, командиров, политработников, в составе партизанских отрядов участвовало свыше тысячи советских писателей, и каждый пятый из них прошёл через Сталинград. Одним из таких писателей был Константин Симонов, который в сентябре 1942 года как корреспондент «Красной звезды» провёл в осаждённом Сталинграде две недели. Цикл его сталинградских очерков и рассказов, в который вошли «Солдатская слава», «Дни и ночи», «Рус-фанер» и другие, представляет реальное поле боя, с реальными людьми. Для К. Симонова важно было показать повседневное «лицо» войны, фронтовой быт, в котором человеку приходилось воевать, погибать, проливая кровь, выживать, думать, страдать, совершать все дела, которые не могла отменить война, и уже в этом заключался несомненный подвиг бойца и командира [2].

На основе рассказа «Дни и ночи» в 1944 году была написана одноименная повесть, которая повествует о событиях, происходивших в Сталинграде в октябре-ноябре 1942 года, а спустя 20 лет, в 1964 году, была напечатана вторая часть трилогии «Живые и мёртвые» –

роман «Солдатами не рождаются», где описывается последний месяц Сталинградской битвы. Таким образом, роман «Солдатами не рождаются» является как бы продолжением повести «Дни и ночи».

Два этих произведения отличаются по манере повествования, по лексическому составу, использованному К. Симоновым для характеристики Сталинграда и обстановки в городе во время сражения, обрисовки персонажей.

Первые характеристики, которыми представляется Сталинград, автор вводит в речевую партию персонажа – женщины, только что оттуда бежавшей, босой, с обожжёнными ногами. Скорбный и правдивый образ. А потому рассказ о городе, его разрушенных улицах, введение параллельно в повествование воспоминаний о том, «где и когда были построены сожжённые сейчас дома, где и когда посажены спиленные сейчас на баррикады деревья» [4, с. 8], в которых актуализируется периферийный для концептосферы произведения концепт КРАСОТА, репрезентируемый имплицитно, за счёт ассоциативного потенциала таких единиц, которые несут сему 'созидание' (*построить дома, посадить деревья*), – всё это позволило К. Симонову представить на контрасте два лика Сталинграда: довоенного и охваченного пламенем жестокой битвы (см. *разбитый, разломанный, обожжённый*).

К приёму контраста К. Симонов прибегал не раз. Так, в речевой партии медсестры Ани, сталинградки, прожившей в городе всю жизнь, использован оценочный предикат с широкой синтагматикой – *красивый* (см. лексическое значение прилагательного *красивый* – «Нравящийся своим внешним видом, поражающий зрение правильностью очертаний, сочетанием тонов, соотношением линий» [8]), семантическое содержание которого вступает в яркое противопоставление с визуализированным при описании боёв характеристикатором *разрушенный* как ключевым в представлении Сталинграда в 1943 году. См.: *Город был очень красивый... почему-то*

казалось, что он самый красивый [5, с. 60]. В повести «Дни и ночи» не раз встречается упоминание о зелёных насаждениях: яркий *зелёный* цвет противопоставляется безликому *серому* цвету войны, цвету *дыма* и трагичному *красному* цвету *огня (зарев)*; ср.: *зелёное окружение – красное зарево Сталинграда, город дымный и серый*.

Разрушенный – одно из наиболее употребительных слов в повести, обладающее широкой синтагматикой, которая свидетельствует о доминанте концепта РАЗРУШЕНИЕ как ядерного при описании Сталинграда в период битвы: *разрушенный город, разрушенные улицы, разрушенные дома*. Подчёркиваем, что с этим словом предикатной лексики как определением сочетаются лексемы, называющие части, локальные объекты, структуры города и т. д., что позволяет автору в различных ракурсах показывать Сталинград. Автор намеренно регулярно вводит в текст слово *разрушенный*, позволяющее ему точно описать состояние города и актуализировать в содержании концептуального поля ВОЙНА идею 'разрушения' (антипод 'созидания') как доминирующую.

Также помогают создать облик разрушенного, сожжённого города лексемы с семантикой 'горение, огонь' (огонь как пожар), принадлежащие к различным частям речи, но образующие текстовую тематическую группу (ТТГ): имена существительные *огонь, пламя, зарево*, имя прилагательное *дымный*, глаголы *гореть, полыхать*, причастия *горящий, обугленный, пылавший, сожжённый, сгоревший*. Слова предикатной лексики выступают контекстуальными партнёрами (в том числе предикатами состояния) слов-апеллятивов, представляющих Сталинград: *Город горел. Он горел ночь, весь следующий день и всю следующую ночь* [4, с. 13]; ср.: *дома полыхали*. См. лексическое значение глаголов *гореть*: «Порождать и поддерживать собою пламя, постепенно уничтожаясь» и *полыхать*: «1. Пылать, ярко гореть, издавать сильный свет, сильный жар. 2. Гореть, выкидывая языки пламени, производя огненные вспышки» [7].

Семантика их позволяет ясно представить охвативший всё пожар, город в огне, страшную силу этого огня (см. градуальную сему высокой степени интенсивности протекания действия в значении глагола 'полюхать'), что было необходимо К. Симонову для создания реалистической картины трагедии и трансляции мысли о героической стойкости, о подвиге Сталинграда.

В образе города, «над которым *пляшет огонь и вьётся пепел*» [5, с. 341] видится что-то зловещее, страшное, даже, может быть, мёртвое, благодаря использованию глаголов *плясать* и *витья* в метафорических переносных значениях, что придаёт характеристике особый трагизм. См. лексическое значение глагола *плясать*: «1. Танцевать; 2. Трястись, подпрыгивать», а глагола *витья* – «Кружиться, крутиться, изгибаться» [6, с. 526, 84].

В описании зимнего Сталинграда К. Симонов почти не употребляет слов этой ТТГ (*огонь, пепел*), облик города представляется лишь одним повторяемым словом *развалины*, синтагматические партнёры которого называют части и объекты города: *район развалин, развалины дома, развалины цехов – развалины Сталинграда*.

Лексические единицы ТТГ с компонентом значения 'огонь' (*горелый, обугленный, пережжённый, пепелище*) К. Симонов использует и при описании запаха, стоящего в городе: *запах пепелища, запах горелого железа, обугленного дерева и пережжённого кирпича*. См.: *горелый* – «Носящий на себе следы пламени, пребывания в огне, обожжённый, попорченный, но не уничтоженный окончательно огнём или жаром» [7]; *обугленный* – страд. причастие прош. вр. от *обуглить*: «Обжечь, превратив в уголь края, поверхность чего-н.» [6, с. 438].

К словам ТТГ «Запах» относим прилагательные *едкий, тягостный, тяжёлый*, причастие *одурающий*. По словам автора, этот запах ощущался во всём городе на протяжении всего времени битвы в Сталинграде. Эти определения содержат коннотативные

смыслы, участвуют в создании ассоциативного эмоционального поля (ужас, тревога, трагедия) образа сгоревшего Сталинграда, способствуя многослойной концептуализации содержания «Сталинградская битва».

К лексемам, содержащим 'огонь', как мы уже отметили, относятся имена существительные *пепел* и *пепелище*, которые эксплицируют семантику 'потери', 'разрушения'. См. лексическое значение: *пепел* – «Пылевидная серая масса, остающаяся от чего-н. сгоревшего» [6, с. 498]; *пепелище* – «Погорелое место, место пожара, пожарища» [7]. Слова *пепел* и *пепелище* отражают результат пожара – то, что на месте некогда отстроенного, населённого, благоустроенного, зелёного города теперь *пепелище* (сема локальности 'место') и следы огня – *пепел*.

Следует отметить лексемы, входящие в ЛСГ русского языка «Звуки», которыми являются существительные *затишье* и *тишина*. В описании событий осени 1942 года автор использует преимущественно слово *затишье* (*короткое затишье*), так как летом и осенью немецкая армия проявляла наибольшую активность, бои шли, практически не прекращаясь, немцы прорывались к Волге, советская армия держала оборону, сражаясь в прямом смысле за каждый метр родной земли, каждый дом города. А в романе «Солдатами не рождаются» слово *тишина* повторяется не один раз: писатель подчёркивает её важность перед наступлением, во время наступления, в чём проявляется психологизм при изображении масштабных событий: *мёртвая тишина, действительная тишина*. И даже короткие промежутки между атаками автор называет *тишиной*. См. лексическое значение существительного *тишина*: «Отсутствие шума, тихое состояние, тихая обстановка» [7]. Часто лексема *тишина* употребляется с глаголом *стоять* как традиционным предикатом состояния, возбуждая коннотативные семы 'тревога', 'опасность': *всю ночь стояла тишина, стояла такая тишина, что казалось, что хруст шагов ... отдаётся и у нас и у немцев...* [5, с. 150]. На

последних страницах романа слово *тишина* появляется в синтагматике с фазисным глаголом *наступит* (*наступила тишина*), чем К. Симонов обозначает окончание битвы: произошло действительно важное и ожидаемое событие.

Общую обстановку в Сталинграде осенью 1942 года писатель сумел охарактеризовать несколькими словами: *перестрелка, атака, бомбёжка, бои, ад* – и только на последних страницах повести использовал *наступление*, которое стало ключевым уже в романе «Солдатами не рождаются».

Текст романа «Солдатами не рождаются» насыщен лексическими единицами со значением 'движения': это отглагольные существительные *наступление, продвижение*, глаголы *взойти, ворваться* («войти, преодолеть препятствия»), *наступать, окружить, продвигаться, рвануть* («порывисто, резко тронуться с места»), *соединиться* (семантизируется как «продвинуться вперёд настолько, чтобы встретиться в другой дивизией»), *шевелиться*, а также такие глаголы, как *вгрызаться, вдавливаться и вминаться* в переносном значении «идти вперёд», с центральной семой 'наступать', объединяющей их в контекстуальный синонимический ряд: ... *сокрушали немецкую оборону, иногда врываясь и вгрызаясь в неё, а иногда только вминаясь и вдавливаясь* [5, с. 285].

Мы отметили много глаголов совершенного вида со значением завершённости действия: *добить, довести* (довести дело до конца), *дойти, закончить, освободить, продвинуться*, которые положительно оценочно характеризуют действия советской армии в январе: *немца сегодня доби́ли*. Нужно заметить, что в тексте повести «Дни и ночи» действия советских войск описывалось глаголами со значением 'лишения': *отдать, отбить, вернуть* ('забрать то, что было отдано ранее').

Отношение советских людей к событиям в Сталинграде тоже можно описать двумя глаголами движения – *ехать* и *лететь*, использованными К. Симоновым: *Сталин-*

град, Сталинград... Едем в Сталинград... [5, с. 417]; *И она полетит в Сталинград. Чего ещё можно желать?* [5, с. 437]; *Мы тогда все мечтали, что под Сталинград поедём...* [5, с. 500].

Про немцев, попавших в окружение, русские говорили: «у них там, в котле, всё равно перспектива одна: если не плен, то – смерть» [5, с. 334]. С помощью слова *котёл*, ставшего в переносном значении терминологической единицей военной лексики в годы Великой Отечественной войны (ср. прямое: «Сосуд, служащий для нагревания воды, варки пищи» [7]), К. Симонов показывает, насколько трудно, тяжело, безвыходно положение немецкой армии. Состояние немецких военнослужащих, попавших в котёл Сталинграда, продемонстрировано такими лексическими единицами, как *нервничать, бояться, метаться, отчаянье, усталость, жалкий: ...немцы нервничали и поддерживали дух стрельбой, полное отчаянье, перешедшая все границы усталость, жалкий вид*. Во время описания наступления советской армии и после его завершения К. Симонов часто употребляет слово *потери* по отношению к гитлеровской армии, акцентируя внимание на этом (*очень большие потери у немцев*). В образе Сталинграда проступает компонент 'враг побеждённый', за счёт количественной семы усиливается ореол значимости военного подвига города и победивших в Сталинградской битве.

Известно, что немцы, пережившие Сталинградскую битву, называли Сталинград *адом* («Здесь настоящий *ад*», – из письма генерал-лейтенанта фон Гамбленц жене. 21.XI.1942 г. [3]). И К. Симонов включает слово *ад* в прощальную речь немецкого генерала к своим солдатам перед сдачей в плен: «Вы мужественно перенесли *сталинградский ад*, вы мужественно перенесли русскую зиму, я надеюсь, что вы мужественно перенесёте русский плен» [5, с. 654]. Предикат *ад* (см. переносное значение существительного *ад* – «О чём-н., где происходит беспорядок, ужас» [7]) указывает на грандиозность и бес-

поощадность битвы, в которой немцы получили жестокий отпор.

Таким образом, *Сталинград* в прозе К. Симонова показан как истинный город-герой, представлен в свете контрастных оценок, пересечение которых в точке *сталинградский ад* подчёркивает мысль автора о беспощадности войны, закрепляя в концептуальном пространстве ВОЙНА (Великая Отечественная война) образ горящего, но не сдавшегося, омытого кровью защитников и врагов места великой битвы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бобылева Е.С. Образ Петербурга как отражение внутреннего мира героев в романе И.С. Лукаша «Бедная любовь Мусоргского» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2011. – № 5. – С. 117-122.
2. Писатели – участники Сталинградской битвы [Электронный ресурс] // Пресс-центр «Победа»: [сайт]. URL: http://pobeda34.ru/info/publication/3741?parent_id=7 (дата обращения: 16.10.2013).
3. Сапрыков В. Здесь настоящий ад. Письма немецких солдат и офицеров, окруженных под Сталинградом // Российская газета. - 2011. Федеральный выпуск № 5473 (97). – 6 мая. URL: www.rg.ru/2011/05/06/pisma.html (дата обращения: 17.10.2013).
4. Симонов К. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 2. – М.: «Художественная литература», 1967. – 662 с.
5. Симонов К. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 5. – М.: «Художественная литература», 1967. – 734 с.
6. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. – М., 2007. – 860 с.
7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 17.10.2013).